

Глава первая НА ЗАПАДНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

С раннего утра я успел преодолеть немалое расстояние, прежде чем почувствовал усталость. Застывшее в зените солнце палило нещадно, поэтому я решил сделать привал и немного перекусить. Повсюду меня окружали волны холмов, перекатывающиеся по бескрайней прерии.

Вот уже пять дней минуло с тех пор, как сиу-оглала¹ рассеяли наш отряд, но я так и не встретил ни одного сколько-нибудь стоящего зверя, ни следов человека. Я даже стал задумываться над тем, не отсох ли во время столь продолжительного молчания мой язык.

Воды не было здесь и в помине, деревьев и кустов — почти тоже. Выбирать не приходилось, и я остановился там, куда бросил свой взгляд. Спешившись и стреножив мустанга, я снял с него покрывало, после чего поднялся на вершину волнистого холма, чтобы осмотреться. Верного коня я оставил внизу, полагая, что враги, если они внезапно появятся, там его не заметят. Сам же, находясь сверху, я мог не опасаться, что кто-нибудь подберется ко мне незамеченным и застанет врасплох.

А причин соблюдать осторожность было предостаточно. Наш отряд, насчитывавший двенадцать человек, тро-

---

¹ *Оглала* (огаллала) — группа племени тетон-дакота.

нулся в путь с берегов реки Платт, чтобы потом, спустившись на востоке по склонам Скалистых гор, перебраться в Техас. В то время сразу несколько племен индейцев сиу покинули свои деревни и ступили на тропу войны, готовые отомстить за смерть нескольких своих соплеменников. Мы знали об этом, но, несмотря на все меры предосторожности, попались им в лапы, и после кровопролитной схватки, в которой пятеро наших расстались с жизнью, остальные разбежались по всей прерии.

Похоже, индсмены обнаружили нас по следу, идущему на юг, — мы просто не имели возможности его хорошо замести. Теперь приходилось смотреть в оба, ибо лечь вече-

ром спать, а утром проснуться без скальпа в Стране Вечной Охоты — перспектива не из приятных.

Я прилег на вершине холма, достал из сумки кусок сушеного бизоньего мяса, натер его вместо соли порохом и принялся жевать, надеясь размягчить до такого состояния, когда его можно будет отправить в желудок. Затем я вытащил из кармана одну из моих самокруток, зажег ее с помощью панкса, затянулся и принялся с удовольствием пускать кольца дыма подобно виргинскому плантатору, курящему лучшие молодые листья гусфута¹, аккуратно свернутые пальцами в глянцевых перчатках.

Долго наслаждаться покоем, лежа на покрывале, не пришлось. Случайно бросив взгляд назад, я с удивлением заметил на горизонте точку, двигавшуюся под острым углом к той траектории, по которой прибыл сюда сам. Быстро скатившись с возвышения вниз, я продолжил наблюдение из укрытия и постепенно различил фигуру всадника, находившегося на удалении английской мили и направлявшегося прямо ко мне. Его лошадь неторопливо трусила прогулочным шагом и могла оказаться здесь не раньше чем через полчаса. Седок на индейский манер почти приник к шее животного, но определенно был белым.

Вглядевшись в даль, я вдруг понял, что он не один: по его следу скакали еще четверо, тотчас привлечшие мое внимание. Они могли быть краснокожими. Вытащив подзорную трубу, я принялся к окуляру. Судя по татуировкам и вооружению, преследователями действительно оказались индейцы оглала, самые воинственные из сиу. Их лошади, в отличие от заурядной кобылы преследуемого, выглядели хорошо обьезженными. Между тем белый приблизился ко мне настолько, что я мог его рассмотреть.

---

¹ *Гусфут* (англ. goosefoot) — так американцы называют растения семейства маревых (лебеда, марь, свекла и т. д.), распространенных по всему земному шару, преимущественно на засоленных территориях умеренных и субтропических поясов.

Это был худой невысокий человек в старой шляпе, от которой осталась одна тулья. Конечно, в прерии подобное обстоятельство ни у кого не вызвало бы удивления, но шляпа без полей подчеркивала довольно странную даже для Дикого Запада деталь в его внешности: у путника не было ушей, а впечатляющие шрамы вместо них говорили о том, что их просто отрезали. На его плечи было накинуто покрывало, скрывающее туловище, а снизу торчали длинные худые ноги в весьма необычной обуви, которую тотчас высмеяли бы где-нибудь в Европе. Такую обувь носят южноамериканские гаучо, а делают ее довольно интересно: с лошадиной ноги снимают кожу чулком и, пока кожа теплая, ее натягивают на человеческую ногу. Вскоре кожаный чулок обтягивает ее, высыхает, дубеет и, плотно схватив ступню и голень, превращается в великолепный сапог, правда без подметки, что, впрочем, не так уж и страшно. К седлу незнакомца была приторочена некая штука, отдаленно напоминающая ружье, хотя издали я принял этот предмет за палку, подобранную в лесу.

Лошадь всадника была такой же нелепой, как и сам хозяин. Ее длинные, как у верблюда, ноги дополняла невероятных размеров ослиная голова, а огромные уши — не меньше, чем у ньюфаундленда!¹ — могли напугать любого зверя. Животное являло собой нечто среднее между конем, ослом и дромадером². Двигалось оно с низко опущенной головой, будто все время принюхивалось к земле.

Любой человек, мало знакомый с нравами Дикого Запада, умер бы от смеха, увидев такого всадника, но мне он

¹ *Ньюфаундленд* (другое название — водолаз) — порода крупных служебных собак с длинной черной шерстью, выведенная на острове Ньюфаундленд. Первоначально использовалась для вытягивания на берег рыбацких сетей, а позже и для спасения утопающих.

² *Дромадер* — одногорбый одомашненный верблюд, в наши дни в диком состоянии не сохранившийся.

показался, несмотря на все странности, одним из тех вестменов, о чьих достоинствах можно судить только после первого знакомства. По-видимому, он не догадывался, что за ним по пятам следуют четверо жестоких врагов, ибо спокойно и безмятежно ехал своей дорогой, ни разу не оглянувшись.

Наконец, когда до меня ему оставалось не более сотни шагов, он обратил внимание на мои следы. Трудно даже сказать, кто первым заметил их, — может, всадник, а может, и лошадь. Но я собственными глазами видел, как лошадь остановилась, опустила голову еще ниже, к самой земле, и покосилась на отпечатки копыт моего мустанга. При этом она так завертела своими длинными ушами, что создавалось впечатление, будто какая-то невидимая сила пытается раскрутить их, примерно как ветер — ветряную мельницу. Незнакомец хотел было уже спешиться и осмотреть мои следы повнимательнее. Однако время ему тратить на это не стоило, поэтому я крикнул:

— Эй, послушайте, оставайтесь в седле и подъезжайте ближе!

Я поднялся в полный рост, чтобы он мог меня увидеть и не принял за грабителя. Его кобыла вскинула голову и прянула ушами, словно пыталась поймать ими звук моего голоса. Взмах жалким обрубком хвоста, похоже, служил одобрением.

— Хелло, мистер! — ответил всадник. — В следующий раз, когда вам захочется подрать глотку, делайте это потише — на этой старой лужайке отовсюду могут торчать чужие уши, которым слышать все вовсе не обязательно. Идем, Тони!

Кобыла подчинилась, зашевелила своими длинными ногами и вскоре уже была рядом с моим мустангом. Видимо, он ей не очень понравился, потому что, взглянув на него свысока, она с пренебрежением повернулась к нему

той частью тела, которую мореходы именуют кормой. Явно принадлежа к особой, но нередкой в прерии породе верховых животных, кобыла жила исключительно для своего хозяина и ко всем остальным относилась с недоверием и подозрительностью.

— Кричать мне или нет, я позволю решать себе сам, — ответил я. — А вот откуда вы и куда направляетесь, мистер?

— Вас это, черт возьми, касается меньше всего.

— Думаете? Хм, не очень-то вы учтивы, мистер, хотя мы и парой слов едва обменяться успели. Однако скажу вам: я привык к тому, чтобы на мои вопросы отвечали.

— Хм, а вы, похоже, джентльмен достопочтенный, — насмешливо отозвался незнакомец, поглядывая на меня с высоты своей клячи, — потому я готов немедленно объясниться.

Незнакомец показал рукой сначала назад, а затем вперед, после чего произнес:

— Я еду оттуда, а надо мне — туда.

Этот человек начинал мне нравиться. Наверное, он принимал меня за сбившегося с дороги горе-охотника, явно не из когорты вестменов его покроя. Надо сказать, у него были на то основания, поскольку настоящий вестмен не придает совершенно никакого значения своей внешности, а скорее явно пренебрегает чистой и опрятной одеждой. Внешность тех, кто долгие годы скитается по Дикому Западу, никак не соответствует приличиям и представлениям, принятым в обществе. Любого мало-мальски пристойно одетого человека вестмен примет за гринхорна, которому никак нельзя доверять. Я совсем недавно приобрел в форте Уилферс новый трапперский костюм, а оружие мое содержалось в идеальном состоянии. Как раз эти два обстоятельства и ввели в заблуждение незнакомца, чело-

века явно бывалого. Я не стал принимать слишком близко к сердцу его невежливый ответ, указал, подражая ему, рукой вперед и сказал:

— Постарайтесь «туда» добраться целым и невредимым. Только будьте осторожны с четырьмя индсменами, что у вас за спиной. Кажется, вы их не заметили?

Незнакомец бросил на меня острый взгляд. В его глазах мелькнуло озорство и удивление.

— Не заметил четырех индсменов?! Хе-хе! Чудак-человек! Если хотите знать, эти добрые люди семят за мной с раннего утра и просто горят желанием познакомиться поближе. У господ краснокожих есть дурацкая привычка подстерегать остановившихся на ночлег, а днем они будут держаться на почтительном удалении, так что оглядываться мне совершенно незачем. До сего момента подходящего места для лагеря я пока не нашел. А вот здесь, среди волнистых холмов, пожалуй, можно и остановиться. Если вы хотите чему-нибудь поучиться и увидеть, как старый вестмен займется этими четырьмя редменами, то вам останется только подождать десять минут. Впрочем, боюсь, что человек вашего склада вряд ли, черт возьми, захочет вдохнуть индейского парфюма, хе-хе! Вперед, Тони!

Не обращая больше на меня никакого внимания, незнакомец исчез вместе со своей клячей среди холмов.

План его дальнейших действий мне был понятен, поскольку я и сам стал бы действовать так же. Он торопился зайти индейцам в тыл, пока те не разгадали его хитрость. Чтобы это осуществить, ему нужно было как можно скорее в низине обогнуть один из волнистых холмов, чтобы по дуге выехать на то же место, где он недавно находился.

Краснокожие приближались, следуя строго друг за другом. Прежде, когда они не спускали с вестмена глаз, беспокоиться им было не о чем. Но их ждал большой сюр-

приз: мой след, который, естественно, заставит их настроиться. Итак, их было четверо против одного. Кто знает, может, и мне придется применить оружие. На всякий случай я проверил «медведебой» и взвел курок.

Добравшись до того места, где след незнакомца пересекался с моим, индейцы остановились. Похоже, они заподозрили что-то неладное, тем более что преследуемый всадник куда-то исчез. Собравшись вокруг своего предводителя, они стали совещаться.

Они находились так близко друг к другу, что я мог достать их всего лишь одной пулей из моего «медведебоя», но этого не потребовалось: раздался выстрел, потом второй, и двое краснокожих свалились с лошадей.

— O-hi-hi-hiiii! — пронесся над холмами звучный победный индейский клич.

Но кричал не индеец, а маленький охотник, показавшийся между холмов, но уже позади оглала. Вестмен сделал вид, как будто собирается броситься наутек. Его кляча в один миг полностью преобразилась. Она помчалась, выбрасывая вперед длинные ноги, под которыми кувыркались комья земли. Лошадь, ставшая одним существом вместе с всадником, напряглась, как струна, готовая лопнуть в любую секунду. Ее хозяин на полном скаку хладнокровно перезаряжал ружье — для него такие переделки действительно не были чем-то необычным. Действовал незнакомец ловко и бесстрашно, особенно если учесть, что он имел дело с коварным и беспощадным врагом.

Вслед ему прогремели два выстрела, но пули не достигли цели. Разъяренные неудачей, индейцы подняли дикий вой, схватились за томагавки и бросились в погоню. До сего момента белый даже не оглядывался, но это был лишь тактический ход. Неожиданно он резко развернул лошадь, не прибегая к поводьям, подняв ее на дыбы. Казалось, ко-

была читала мысли хозяина — она остановилась, застыв как вкопанная, а тот, моментом вскинув ружье, выстрелил еще два раза. Оба индейца на полном скаку вылетели из седел и покатались по траве с пробитыми головами.

В моей помощи маленький охотник не нуждался. Он соскочил с лошади, чтобы осмотреть тела убитых, а я направился к нему.

— Видели, мистер, как нужно толковать с этими краснокожими мерзавцами? — не без гордости заявил он.

— Спасибо за науку, мистер.

Моя улыбка показалась ему насмешкой, ибо он, окинув меня пристальным взглядом, с подозрением спросил:

— Или скажете, что вам и самому такое пришло бы в голову?

— Такое — нет. Среди волнистых холмов легко укрыться, поэтому можно было бы выждать момент и просто вернуться по своему собственному следу, не убивая врага.

— Смотрите-ка! Откуда вы взялись и кто вы такой?

— Я пишу книги.

— Пишете книги? — изумленно повторил он, делая шаг назад. На его лице появилось выражение не то обеспокоенности, не то жалости. — Вы не больны, мистер? — С этими словами он приставил указательный палец ко лбу и покрутил им у виска.

— Со здоровьем у меня все в порядке, — спокойно ответил я, никак не реагируя на его оскорбление.

— Может, все-таки покажетесь доктору? Мне этого не понять! Я стреляю в бизона, потому что хочу есть. А вот для чего вы пишете книги?

— Чтобы их читали.

— Мистер, обижаетесь вы на меня или нет, но все это — полная чепуха! Писать книги, чтобы другие их читали! Вот я, например, охотник, но дичь свою никому не отдаю. Если кому-то хочется читать книги, пусть он их и пишет! И все-таки, что вы делаете здесь? Зачем пожаловали в прерию? Неужто ради книг?

— Сначала я путешествую, встречаюсь с разными людьми, потом возвращаюсь домой и в книгах рассказываю обо всем, что со мной приключилось, что довелось увидеть и с кем свела меня судьба. Тысячи людей читают мои книги, и им совсем не обязательно самим отправляться в прерию.

— Может, и обо мне напишете, хе-хе?

— Почему бы и нет? — без тени иронии ответил я в надежде, что это расположит ко мне охотника.

Однако я просчитался. Незнакомец снова окинул меня придирчивым взглядом, взялся правой рукой за рукоять

ножа Боуи и подошел ко мне ближе. Встряхнув меня за плечо левой рукой, он произнес:

— Мистер, там стоит ваша лошадь. Собирайте манатки, садитесь-ка в седло и убирайтесь отсюда, если не хотите, чтобы холодная сталь на пару дюймов вошла вам меж ребер. При вас тут теперь и слова не скажешь и шагу не ступишь, чтобы потом весь мир об этом не узнал. Поэтому убирайтесь, да поскорей!

Роста он был невысокого и едва доставал до моего плеча, однако грозил всерьез. Мне вдруг стало смешно, но я сдержался, чтобы не распалить его злость.

— Я напишу о вас только хорошее, — примирительно произнес я.

— Шевелитесь! Будет так, как я сказал!

— Хорошо, обещаю вам, что не напишу о вас ни слова, — попытался я еще раз восстановить мир.

— Да не верю я вам! Разве можно верить писаке, выжившему из ума? Убирайтесь, говорю я, иначе пеняйте на себя!

— А что со мной может случиться?

— Сейчас увидите!

Продолжая улыбаться, я взглянул в его вспыхнувшие глаза и решил, что пора положить конец разыгравшейся комедии.

— Ну что же вы тянете! — вызывающе сказал я, желая проверить, как далеко он готов зайти в своих угрозах.

— Смотрите сюда! Как вам этот клинок? — прошипел он, молниеносно выхватив нож и приставив его к моей груди.

— Отличная штука! Сейчас я вам это докажу!

Резко перехватив его руку, я тут же завернул ее за спину и сжал запястье с такой силой, что незнакомец скорчился от боли и выронил оружие. Опытный вестмен был настолько ошарашен, что ничего не успел сделать, а обе его

руки мгновение спустя были стянуты ремнем от мешочка с пулями, висевшего у меня на поясе.

— Damn it!¹ — воскликнул он, сбитый с толку моим внезапным нападением. — Что вы задумали? Что хотите со мной сделать?

— Пока не решил. Но в следующий раз, когда вам захочется подрать глотку, делайте это потише — на этой старой лужайке тут и там могут торчать чужие уши, которым слышать все вовсе не обязательно, — съязвил я, точь-в-точь повторив фразу самого незнакомца.

Подняв с земли выроненный им нож и ружье, которое он сам отложил в сторону, когда осматривал мертвых индейцев, я отнес оружие на безопасное расстояние и вернулся к пленнику. Тот, поняв, что он в моих руках, изо всех сил старался освободить руки, но ремень не поддавался. От напряжения кровь прилила у него к лицу, но все было напрасно.

— Бросьте вы это напрасное дело, мистер, — дал я ему совет. — Остаться вам связанным, пока я сам не освобожу вас. Зла я вам не желаю, но придется доказать, что с книжным червем, который привык разговаривать с другими их же языком, надо вести себя повежливее. Я ничем не оскорбил вас, а вы схватились за нож и угрожали мне. По законам прерии вы заслуживаете того же наказания, что требовали для меня. Никто из вестменов не посмеет упрекнуть меня в жестокости, если я воткну вам между ребер десять дюймов стали, как вы хотели это проделать со мной.

— Так втыкайте, — хмуро ответил он. — Скорее кончайте со мной, пока я не отправился к праотцам от стыда. Позор мне, что я среди бела дня позволил схватить себя и связать одному-единственному противнику, не оставив

¹ Проклятье! Дьявольщина! (англ.)

ему на память и пару царапин. Сан-Иэр вел себя как мальчишка и заслуживает смерти!

— Сан-Иэр? Вы Сан-Иэр?! — удивился я.

Я действительно много слышал об этом славном вестмене, но мне ни разу не доводилось встречать его, ибо он избегал людского общества. Он никогда не охотился в компании, путешествовал в одиночку, о нем рассказывали самые невероятные истории. Много лет назад индейцы навахо лишили его ушей. С тех пор настоящее его имя было забыто, появилась кличка, составленная из двух слов из разных языков: Сан-Иэр, или Безухий¹.

— Вы действительно Сан-Иэр? — повторил я свой вопрос, не в силах прийти в себя от удивления.

Ответом меня он не удостоил, а лишь пробормотал с видом обреченного, для которого главное — сохранить не жизнь, а доброе имя:

— Далось вам мое имя! Если оно вам не нравится, считайте, что я его не называл, а если оно по душе — уберегите его от позора.

Мне ничего не оставалось, как подойти и развязать ему руки.

— Возьмите ваше оружие, — сказал я, отдав ему нож и ружье. — Вы можете идти куда хотите.

— Вы думаете, я смогу простить вам мое поражение? Теперь всякий скажет, что какой-то гринхорн победил Сан-Иэра. Если бы меня победил кто-нибудь из известных на Западе парней, таких как апач Виннету, Длинный Галлер, или такие следопыты, как Олд Файерхэнд или сам Олд Шеттерхэнд, тогда другое дело...

Мне стало жаль старика, ведь мой выпад поразил его в самое сердце. Пора было утешить его, и я ответил:

— Какой-то гринхорн? Неужели вы в самом деле думаете, что гринхорну удалось бы одолеть вас?

---

¹ От французского слова sans (без) и английского ear (ухо).

— А кто вы, как не гринхорн? — с сарказмом заметил он. — По вас не скажешь, что вы в прерии не первый день. Костюмчик ваш с иголки, а оружие блестит как на маскараде!

— Оружие действительно блестит, мистер Сан-Иэр. И оно ценно не только этим. Сейчас вы сами убедитесь. Смотрите!

Подняв с земли камешек величиной с доллар, я подбросил его вверх, а когда он на мгновение завис в воздухе, чтобы потом упасть вниз, я быстро вскинул штуцер и выстрелил. Каменные осколки брызгами посыпались на землю.

Чтобы добиться такого мастерства в стрельбе, я упражнялся сотни и сотни раз. В принципе это было не так уж и сложно. Однако маленький вестмен был поражен, в его глазах застыло неподдельное удивление.

— Бог мой, вот это был выстрел! У вас всегда так получается?

— Девятнадцать раз из двадцати.

— Да вы лучший стрелок в прерии! Как ваше имя?

— Олд Шеттерхэнд.

— Это невозможно! Нет, знаменитый вестмен гораздо старше вас, иначе его никто не называл бы Стариной Шеттерхэндом!

— Разве слово «олд» всегда говорит о возрасте?

— Не всегда, тут вы правы, но... Извините меня за сомнения, мистер, но Олд Шеттерхэнд побывал в лапах страшного гризли, который едва не содрал у него все мясо от плеча до ребер. Значит, у вас должны быть шрамы на спине...

Я молча расстегнул охотничью куртку, а потом и рубаху.

— Черт возьми, крепко вам досталось, мистер! Как пить дать, пересчитал он вам все шестьдесят восемь ребер!

— Почти. Произошло это на берегах Ред-Ривер. Провалялся я тогда две недели с рваной раной рядом с тушей медведя, пока меня не нашел Виннету, вождь апачей.

— Виннету? Тогда вы действительно Олд Шеттерхэнд! Однако это только ухудшает положение. Теперь вы подумаете, что я полный идиот!

— И в мыслях не было. Всему виной мой костюм, который ввел вас в заблуждение. Вы приняли меня за гринхорна. Но разве гринхорн смог бы застигнуть Сан-Иэра врасплох?

— К чему утешения! Я был готов к отпору, хотя и убедился на себе, что сила у вас медвежья. Однако проиграть Шеттерхэнду — это не позор. Разрешите представиться: мое настоящее имя — Сэмюел Ховерфилд. Для вас я просто Сэм.

— А вы меня зовите Чарли, как все мои друзья. Вот моя рука.

— С удовольствием пожму ее, мистер. Старый Сэм не тянет пятерню каждому встречному, но вы — дело другое. Только, ради бога, не жмите сильно мою руку, она мне еще понадобится.

— Не волнуйтесь, Сэм, я буду осторожен. Думаю, ваша рука еще не раз пригодится мне, как, вероятно, и моя — вам. Но ответьте мне все-таки: откуда и куда вы направляетесь?

— Сэм не из тех, кто сразу удовлетворяет чужое любопытство, однако вы действительно имели право спрашивать меня. Так вот, я еду из Канады, где провел несколько месяцев в компании ламбестрайкеров¹, а теперь направляюсь в Техас, потом — в Мексику, где, как говорят, полно всякого сброда и где на каждом шагу можно получить удар ножом или пулю за просто так.

— Мой путь тот же. Я собрался в Техас и Калифорнию. Как туда добираться — мне все равно. Могу свернуть и в Мексику. Берете в компанию?

---

¹ Ламбестрайкер (англ. lumberstriker) — лесоруб.

— Что за вопрос, мистер! Буду только рад. Вы ведь уже были на юге, а именно такой спутник мне и нужен. Но скажите мне серьезно, вы и в самом деле пишете книги?

— Да.

— Хм! Если уж сам Шеттерхэнд взялся за перо, значит это совсем не то, что я думал. Конечно, скажу вам откровенно, я скорее предпочел бы завалиться в берлогу к медведю, нежели выводить каракули на бумаге. За всю свою жизнь я не сумел нацарапать ни единого слова. А теперь вернемся к нашим делам: скажите мне, откуда тут взялись индсмены. Я узнал сиу-оглала, а с ними надо ухо держать востро.

Мне пришлось пересказать ему трагическую историю нашего маленького отряда. Сэм внимательно выслушал меня и, покачав головой, произнес:

— Да, задерживаться нам здесь не стоит. Вчера днем я наткнулся на следы краснокожих. Я насчитал шестьдесят всадников. Наверняка эти четверо были из их компании и выехали на разведку. Вы когда-нибудь бывали здесь?

— Нет.

— Милях в тридцати к западу есть вода. Скорее всего, индейцы направятся туда, чтобы напоить лошадей, и нам лучше свернуть на юг, если мы не желаем повстречаться с ними. Предлагаю тронуться в путь немедленно, тогда к вечеру можно добраться до Западной железной дороги.

— Я готов ехать. Но сначала нужно спрятать тела убитых индейцев.

— Зачем? — искренне удивился Сэм. — Оставим их здесь, на виду, но сначала я отрежу им уши, чтобы краснокожие знали, чьих это рук дело.

Вестмен сам оттащил все четыре трупа на вершину холма и уложил в ряд.

— Вот так, — произнес он, вытирая окровавленный нож о траву. — Теперь они сразу поймут, что здесь побы-

вал Сан-Иэр. Вы никогда не испытывали жуткое чувство, когда зимой хочется, чтобы у тебя замерзли уши, а мерзнуть нечему. Всего лишь раз в жизни я попал в лапы к краснокожим. Я дрался изо всех сил, прикончил нескольких, а одному срубил томагавком ухо. Так вот, эти бестии, прежде чем поставить к столбу пыток, отрезали мне уши. Уши они получили, а вот мою жизнь — нет. Сэм Ховерфилд сумел неожиданно освободиться и был таков. С тех пор он платит всем индсменам той же монетой. Взгляните.

Охотник протянул мне ружье, и я увидел, что его приклад был сплошь усеян насечками, каждая из которых говорила об убитом краснокожем. Тут же проковыряв четыре новые, Сэм пояснил:

— Каждая из них стоила жизни враждебному индейцу. А вот эти восемь, видите, которые повыше, — белые бандиты. Когда-нибудь расскажу вам о них. Надо бы к ним добавить еще двоих — отца и сына. Отпетые мерзавцы! Если я их найду, то мою миссию на этой грешной земле можно считать выполненной.

Глаза Сан-Иэра заблестели от влаги, а на лице появилась горечь. Ясно, что в сердце старого охотника живет неугасимая боль и что он, возможно, потому и странствует всегда один по пустынным местам, обуреваемый жаждой мести.

Старик перезарядил ружье — одну из тех допотопных хлопушек, что частенько встречаются в прерии. Ложа его карабина давно потеряла первоначальную форму, ствол был покрыт толстым слоем ржавчины, и никто, кроме владельца, не смог бы сделать из него прицельного выстрела.

— Тони! — кликнул лошадь Сан-Иэр.

Кобыла, топчущаяся неподалеку, бросила щипать траву и побрела к хозяину, встав так, что тому оставалось только вскочить в седло.

— Сэм, у вас отличная лошадь, хотя на первый взгляд за нее и доллар отдать жалко. Хотя теперь я прекрасно понимаю, что вы не расстанетесь с ней и за тысячу соверенов¹.

— Что? За миллион не продам! На кой ляд мне деньги?! В Скалистых горах много мест, где полно золота. Я знаю эти места, и, если когда-нибудь встречу человека, которого полюбит мое старое сердце, я покажу ему дорогу туда. Нет, нет, моя Тони бесценна. — Подтянув подпругу, он любовно потрепал лошадь по шее и добавил: — Мы с ней неразлучны. Вообще, тот, кого называют Сан-Иэром, раньше был совсем другим человеком, счастливым и полным жизненной энергии, как день полон светом, а море — водой. Когда-то у него была молодая жена, которую он безумно любил, и сын, за которого отдал бы жизнь. Он имел ферму и дом. Жену к себе в дом он привез на лучшей лошади по кличке Тони. А когда лошадка принесла прекрасного жеребенка, почему же мне было не назвать его Тони? Разве я не прав, Чарли?

— Конечно, — кивнул я, глубоко тронутый внезапной ребячьей откровенностью Сэма.

— Вот так... — задумчиво произнес старик. — Но потом явились десять головорезов, они сожгли мою ферму, убили жену и ребенка, пристрелили лошадь, которая сбросила с седла чужака. Уцелел только маленький жеребенок, и то только потому, что случайно оказался на пастбище вдали от дома. Вернувшись с охоты, я увидел пепелище. Что еще рассказать? Восьмерых из шайки я уложил из моего ружья, но двое сбежали. Вот за этой парой я гоняюсь по всем Штатам. В конце концов я до них доберусь! Человек, на чей след однажды напал Сан-Иэр, никогда и нигде от него не скроется, даже среди монголов.

¹ *Соверен* — золотая монета в один фунт стерлингов.